«ЗОЛОТОЙ ЛАНЦЕТ»

...Он исправляет то, в чем ошиблась природа, – избавляет детей от патологий лица и тела, а еще устраняет внешние последствия травм и ожогов, дарит женщинам и мужчинам красоту и радость молодости. Мастерство Леонова открывает людям путь от существования к нормальной, полноценной жизни. Это мастерство высоко оценивают коллеги не только на Урале, но и в Москве, России и за рубежом. А пациенты Александра Георгиевича – и крошки, которые даже еще не могут запомнить своего доктора, и дети постарше, и взрослые – хранят уважение и благодарность к нему всю жизнь.

Он никогда не «сюсюкает» с пациентами, ни с маленькими, ни со взрослыми, а порой может и показаться суровым. Но это потому, что полностью погружен в заботу о них, в то, чтобы максимально помочь, как можно лучше сделать свое дело, сотворить свое чудо, выполнить свою миссию. А вот вне «клинических» проблем и отношений общаться с ним – одно удовольствие. Ум, юмор, открытость, даже какая-то душевная незащищенность – наверно, приятно и комфортно быть в его «ближнем кругу».

...У Леонова большие, сильные мужские руки, совсем не подходящие к расхожему сравнению пальцев хирурга с пальцами пианиста. Но они умеют делать тончайшую, сложнейшую, деликатную, ювелирную – поистине золотую – работу.

■ 26 октября в Москве прошла пятая церемония награждения Национальной премией за достижения в области эстетической медицины имени Е.Б. Лапутина «Золотой ланцет». В номинации «Пластический хирург года» премия вручена заслуженному врачу РФ, заместителю директора Свердловского НПЦ «Бонум» по хирургии, кандидату медицинских наук Александру Георгиевичу ЛЕОНОВУ.

Александр Леонов окончил Свердловский государственный медицинский институт в 1986 году по специальности «Врач хирург-стоматолог». В 1986—1987 годах проходил интернатуру на базе отделения челюстно-лицевой хирургии ГДМБ № 9, там же в должности хирурга-стоматолога продолжал работу до 1990 года, занимаясь оказанием плановой и экстренной помощи детям с челюстно-лицевой патологией.

В августе 1990 года перешел работать в НПЦ «Бонум». В сентябре 1991-го стал заведующим отделением челюстно-лицевой хирургии. С 1997-го — действительный член Американской академии лицевой пластической и реконструктивной хирургии; с 1999-го — действительный член Общества пластических, реконструктивных и эстетических хирургов России. В 1998 году А.Г. Леонов стал руководителем клиники восстановительной и эстетической хирургии. В настоящее время — заместитель директора НПЦ «Бонум» по хирургии.

В 2005 году А.Г. Леонову присвоено почетное звание «Заслуженный врач Российской Федерации».

Вера СУМКИНА

— Александр Георгиевич, в медицине так много специальностей, почему же именно хирургия, а в обширной хирургии почему именно челюстно-лицевая и пластическая?

— Интерес проявился в Свердловском мединституте, я уже тогда хотел стать пластическим хирургом, то есть хирургом, который может изменять людям лицо. Не знаю, откуда у меня это появилось, скорее всего из каких-то фантастических книжек, которые любил читать. Но я целенаправленно старался пойти в хирургию, хотя после окончания стоматологического факультета это очень сложно. Сейчас в хирургию не так много студентов идет, а тогда, особенно в челюстно-лицевую, попасть было совсем непросто. Пришлось приложить много сил для того, чтобы из поликлинического отделения меня взяли в стационар. И конечно, дальше я уже оставался преданным именно хирургии, ее не променяю ни на что.

— Вот вы сказали «изменять лицо». Насколько известно, пластическая хирургия сегодня способна изменять не только лицо, но и все тело.

— Вообще пластическая хирургия — очень широкий спектр направлений. Выделяются два крупных. Это эстетическая хирургия, то, что мы называем совершенствованием красоты. То есть эстетические, или косметические, как их раньше называли, операции по улучшению внешности. И есть реконструктивная хирургия, которая направлена на восстановление тканей, органов, травма или утеря которых произошли в результате каких-то непредвиденных ситуаций или врожденных пороков. Поэтому наше «операционное поле» — не только лицо, а и тело, руки, ноги, другие органы.

— Вы в основном занимаетесь именно реконструктивной хирургией, исправляя врожденные или приобретенные дефекты внешности у детей. А как вы пришли именно к детской хирургии?

— Я, в общем-то, из нее и вышел, скажем так. В 9-й детской больнице мы занимались неотложной хирургией.

— Это травмы?

— Травмы, воспаления. Занимались и плановой хирургией, в частности врожденными пороками. Тем, что в народе называют «заячья губа», «волчья пасть» (хотя мне эти названия очень не нравятся, профессионалы используют термин «расщелина лица»). Все пошло оттуда, потом уже я перешел на работу в научно-практический центр «Бонум». И здесь, под руководством моего учителя, профессора Владимира Алексеевича Виссарионова, мы первыми на Урале начали развивать реконструктивную детскую хирургию лица. А потом, постепенно, перешли и к лечению взрослых пациентов. Потому что огромное количество и взрослых людей нуждается в подобных операциях.

— Оперировать детей... Мне кажется, что это так затратно по нервной энергии, а со стороны просто страшно... Я видела у вас пациентов совсем крошечных, почти грудных. Страшно?

— В хирургии не должно быть понятия «страшно». Тут должна присутствовать твоя личная ответственность — ты отвечаешь за то, что берешься делать. Если не уверен — не берись, особенно в плановой хирургии. В неотложке — там отдельная статья, когда выхода нет, ты человеку должен помогать. Здесь

В ЗОЛОТЫХ РУКАХ

же анализируешь свои возможности и берешься за операцию, либо отправляй пациента туда, где ему точно смогут оказать помощь.

— Вы и с американскими, и с канадскими специалистами совместно работали. И вы к ним, и они сюда приезжали. И операции совместные проводили. Наверное, можно сделать вывод, что наша клиника «Бонум» и, в частности, вы, как хирург, как ее научный руководитель, вышли на мировой уровень?..

— Работа с Американской академией лицевой пластической хирургии — это наш многолетний опыт. Уже более 15 лет мы каждый год встречаемся, проводим совместные операции, семинары, научные разработки ведем совместные. Изначально акция начиналась как помощь детям с врожденными пороками. И первые же годы общения с американскими коллегами показали, что наш уровень оказания специализированной помощи этим детям, не только хирургической, а вообще комплексной, нисколько не хуже, а во многих случаях даже лучше и правильнее, чем у них. Поэтому мы уже пошли дальше, на развитие тех направлений, которые были бы и нам и им интересны. Например, более сложные операции, многочасовые, реконструктивные. И здесь постоянно идет обмен опытом.

— Я слышала, как американцы говорили здесь, что они многому научились.

— Думаю, что это на самом деле так.

— А еще я слышала, как вы однажды сказали, что «пациентов не надо жалеть». Честно говоря, я была слегка в шоке, меня это удивило. Может быть, вы расшифруете этот свой постулат?

— Ну, это вы просто немножко неправильно поняли. Потому что жалость из сердца не уберешь.

— А что тогда вы имели в виду? Сопереживать не надо?

— Как можно не жалеть и не сопереживать ребенку, допустим, со злокачественной опухолью! Нет, я имел в виду, что на момент операции нужно отбросить все эмоции. Ты должен абстрагироваться и выполнять свое ремесло. Потому что в большинстве случаев, когда идут стандартные операции, это ремесло. И если ты этим ремеслом владеешь на высоком уровне и можешь его применять ежедневно без всяких осечек, это здорово и замечательно. Но если во время операции допускать эмоциональный фактор, дергаться, нервничать и говорить про себя, что вот ты должен этому несчастному ребенку помочь, — это неправильно. Мешает и отвлекает. Но конечно же, переживаешь за каждого своего пациента, сопереживаешь в том числе.

— Вы работаете с двумя категориями пациентов. Одни — вот эти несчастные дети, которых природа как-то обидела. Вторая категория — взрослые, в основном дамы, которые пришли к вам, чтобы стать красивее. И зачастую можно в какой-то степени назвать это капризом: вот хочу, и все. Это ведь двойная психологическая нагрузка, немалая, и такие разные «подопечные»...

— Ну, самая благодарная категория пациентов — это, конечно, дети. Даже ляльки, которые ничего не говорят, но какая радость, когда ты видишь улыбку, хороший результат, когда получилось и знаешь, что дальше человечек-то пойдет в жизнь совсем уже другим, не чувствуя себя ущербным! Категория же косметических пациентов, конечно, это особая статья, потому что это люди не страдающие.

— Здоровые.

— Здоровые, которые приходят и с прихотями, и тут человеку нужно объяснить, что это каприз и делать ничего не надо. Таких случаев много, часто бывает, что приходится разубеждать, отговаривать, а иногда в достаточно жесткой форме урезонивать.

— Тут, наверное, важна кристальная честность доктора, потому что, если с обывательской точки зрения, а чего бы вам не сделать больше операций, ведь это дело коммерческое. Пришел — да пожалуйста! Ведь и так, наверное, где-то случается, как вы думаете?

— Ну, о коллегах нельзя говорить плохо, но, конечно, такие случаи бывают. И от пациентов приходилось слышать, как «разводят» на деньги. Все-таки я воспитан в традиционной хорошей медицинской хирургической школе. И считаю, что с пациентом нужно быть предельно откровенным и правдивым. Он должен знать все плюсы и минусы операции. Потому что это всегда определенный риск, риск осложнений, наркоза. Все должно быть взвешено, выбрано правильное решение, и пациент должен о нем знать. И не должна коммерческая составляющая здесь преобладать. В нашей клинике мы стараемся не допускать такого, и, я считаю, нам это удается.

— Александр Георгиевич, как-то устоялось в умах, что пластическая хирургия, в разделе косметологии, — сфера женских интересов. Но, говорят, сейчас к ней поворачиваются и мужчины?

— Да, мужчин действительно стало оперироваться гораздо больше. Я имею в виду именно косметические, омолаживающие операции. Потому что все-таки культура общества меняется, люди понимают, что выглядеть красиво, моложаво — это не есть плохо. И что гораздо лучше «подобранное» лицо без морщин, чем гигантские мешки под глазами или отвислости на щеках в 50—60 лет. Иногда такие вещи зависят даже не от самого человека, а от генов, от папы с мамой, дедушки с бабушкой. Человек очень часто внутренне чувствует себя молодым, как будто ему 17—20 лет или чуть-чуть побольше, а в зеркало-то посмотрит: уже и тут не так, и тут не так...

— А ведь еще и другие на него смотрят...

— Да, но для себя любимого хочется снова обрести соответствие между внутренним молодым «я» и наружным. Вот для этого как раз и придумана косметическая хирургия. И слава Богу, мужчины это начинают понимать. Мировая статистика показывает, что мужчин, в соотношении с женщинами, оперируется до 40 процентов.

— Александр Георгиевич, вот все медицина, медицина. Что есть в вашей жизни, кроме нее? Бывает же у вас изредка свободное время. Я знаю, что вы на охоту ездили...

— Охотник из меня пока никакой, я только пару лет назад купил ружье. Стрелял пока только по бутылкам, и в те несколько раз, что друзья меня брали на охоту, ни одного зайца, ни одной птицы мы не встречали за целый день ходьбы. Видимо, не судьба мне кого-то убить. Но во всяком случае, это определенный отдых, прогулки такие пешие длительные, это очень полезно, добавляет энергии и здоровья.

— У вас широкий круг знакомств в мире культуры, искусства. Эти люди, рискну предположить — потенциальные пациенты, ищут с вами знакомства?

— Ну, специфика работы такая, и, в общем-то, за это можно благодарить судьбу, что я имел и имею возможность встречаться с очень многими интересными людьми в областях культуры, искусства, политики. Со многими мы становились друзьями и сохраняем отношения. Слава Богу, мои бывшие пациенты и друзья не забывают меня. И я стараюсь эти контакты поддерживать, потому что они расширяют твой собственный мир, мир познания людей, а это всегда очень интересно.